

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Part: 2

OFFSIDE

ALEXD

18+

Алекс Д
Офсайд 2
Серия «Офсайд», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40936091

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5320-9724-7

Аннотация

Я не люблю полутонов и недочувств. Я беру все или ничего. И если я люблю, то это, минимум цунами, максимум ядерный взрыв, который уничтожит всё в радиусе сотен тысяч километров. И когда я говорю этой голубоглазой девочке, что люблю ее, это не радостная новость. Это приговор. Нам обоим.

Внимание! 18+ Книга содержит нецензурную брань и сцены насилия.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	42
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

В оформлении обложки использованы фотографии автора Alexis Kapsaskis с <https://www.shutterstock.com> и автора

nick hidalgo с <https://pixabay.com>

У каждого в жизни есть кто-то, кто никогда тебя не отпустит, и кто-то, кого никогда не отпустишь ты.

Чак Паланик «Колыбельная»

Пролог

США. Нью-Йорк. Наши дни.

– Он вас ненавидит, и теперь я знаю, за что, – произношу я хриплым голосом. Все это время, до меня, заторможенной действиями лекарств, медленно доходили слова Пола. Я залила слезами все вокруг себя. Словно они могут что-то исправить или облегчить боль. Слезы – это простая реакция. У меня вырезали сердце, воткнули в него, умирающее и истекающее кровью, тысячи иголок и засунули обратно, зашив наживую.

Я поднимаю голову, чтобы посмотреть в лицо человека, который своим руками довел до безумия, а потом до суицида, любимую жену и перечеркнул будущее своего сына. Это он – главный виновник, хоть и думает иначе. Мужчины, вообще, не любят замечать собственных ошибок. Все, что мы делаем сейчас, разворачивает за собой клубок событий в будущем. Селена мечтала о детях, а когда они появились – потеряла мужа. Чтобы вернуть мужа, она решила потерять своих детей. Но, потеряв, не смогла жить... Не смогла простить себя...

Я закрываю глаза, не в силах смотреть в лицо этого преступника, ответственного за все, что произошло.

– Теперь вы точно потеряли его, Пол, – говорю я, вспоминая страшный взгляд, которым Джейс смотрел на меня,

снимая веревку с моей шеи, проводя пальцами по бордовым полосам, оставшимся после нее, которые однажды побледнеют, замоются и станут такими же, как у него. Как у него... Я помню, как подняв меня за плечи, Джейсон долго всматривался в мое лицо и словно не видел, словно находился где-то в другом месте. Безумный, полный агонии взгляд. А потом вдруг схватил меня в охапку, сжимая так, что затрещали кости, и заплакал, уткнувшись лицом в мои волосы. Он плакал, как ребенок, и не мог остановиться. И я гладила его волосы, не замечая боли в сломанных пальцах. Тогда я подумала, что он сошел с ума. Что он сожалеет о том, что сделал...

Через час вернулся с пистолетом и сказал, что мы должны умереть.

Он не успел. Марк вызвал полицию. Я не знаю, хватило бы безумия Джейсона на этот последний решающий шаг или нет. Никогда не узнаю. Пол отвалил кучу денег, чтобы скрыть тот факт, что один выстрел, все-таки, был. Он целился в меня. Долго. Я не боялась. Ждала. Я даже хотела. Джейсон выстрелил в свое отражение. Это просто чудо, что пуля не попала рикошетом в него. Я тогда была на грани, отключилась сразу после того, как раздался грохот и миллионы осколков посыпались на пол.

– Теперь вы точно потеряли его. И я, я тоже потеряла его, – надтреснуто повторяю я, встречая растерянный взгляд Пола. – Он все вспомнил.

Глава 1

«Большинство жертв абьюза не сильны и не слабы, а находятся в промежуточном, нестабильном состоянии. Они не бегут, но и не сливаются покорно, а совершают разнонаправленные движения, то есть мечутся. Половина их сознания зовет их восстать, половина призывает расслабиться и покориться.»

(с)

Испания. Барселона. Полгода назад.

Джейсон

У меня было много женщин. Однажды я был женат на прекрасной девушке, которую любил. И когда я впервые сказал ей об этом, она прыгала от счастья и целовала меня. Нам было по восемнадцать лет. Я думал, что она – единственная и навсегда. Не в постели, конечно. Я сейчас о сердце толкую. А оно у меня есть, хотя многим кажется иначе.

Моя шкала ценностей отличается от вашей. Уверен, что скоро вас будет от меня тошнить, но я только рад этому.

Ненавижу чистюль и моралистов. Они – самые страшные развратники. Я агнец рядом с ними. Не верите? Загляните глубоко в себя. Туда, где припрятаны самые грязные мыслишки и фантазии. Ну, как? Пусто?

Не верю.

А знаешь, какая разница между нами? Я все это могу, а

ты только мечтаешь.

И однажды мне повезло встретить девушку, которая согласилась играть по моим правилам, идти вперед, смело и до конца. Это было феерично. Горячо. Разнузданно. Грязно. Красиво. Больно.

Больно.

Ее это убило. А я пошел дальше. Теперь я не думаю, что на самом деле любил свою жену. Если бы это было так, то я лег бы рядом и умер.

Думаете, что я брежу? Нет. Я не люблю полутоннов и недо-чувств. Я беру все или ничего. И если я люблю, то это, минимум цунами, максимум – ядерный взрыв, который уничтожит все в радиусе сотен тысяч километров.

И когда я говорю этой голубоглазой девочке, что люблю ее, это не радостная новость. Это приговор. Нам обоим.

Она не дура. Понимает. Бледнеет, дрожит. Ей страшно. Она хочет обратно, в свою убогую жизнь, где нет меня. Где все понятно и просто, но терпимо и решаемо. Со мной у нее нет шансов. Со мной ни у кого нет шансов.

– Нечего сказать? – спрашиваю я, трогая пальцем ее нижнюю губу. Конечно, я не настолько глуп, чтобы надеяться на то, что она тоже любит меня, хотя бы чуточку. Но я сделал все, чтобы привязать ее. Моя личная, годами разрабатываемая программа сработала без единого сбоя. Идеальная методика поглощения чужой личности. Я делал это не раз. Я все рассчитал. Я ликовал, наблюдая, как моя девочка окунается

в религию боли и похоти и хватается за меня, как за единственную точку опоры в том хаосе, в который я же ее и погрузил. Моя малышка. Я должен был насладиться ее агонией и выбросить прочь, как других. Выпив до дна. Но идеальная программа не была рассчитана на то, что я могу дать сбой. Мое сердце дрогнуло. Я не сразу узнал это чувство, не сразу понял. И я в ужасе. Потому что любовь в мои планы с Лекси Памер не входила.

– А что ты хочешь услышать, Джейс? – тихо спрашивает она, глядя на меня своими нереально-голубыми глазами. Я опускаю пальцем ворот ее блузки, чтобы посмотреть на следы своих поцелуев. Они прекрасны. И очень хорошо сочетаются с ее бледной фарфоровой кожей. Когда мы закончим, она будет скучать по каждому синяку, который когда-либо расцветал на ее нежной коже. Она не сможет без меня жить. Мои девочки... Всем им требуется помощь. После меня. Психологическая. Я даю им телефон моей хорошей знакомой. Мы вместе учились. У нее кабинет психиатрической помощи женщинам, попавшим в сложную ситуацию. Так и живем. Я ломаю, а она чинит.

Лекси она починить не сможет. С Лекси у меня особая программа. Я ее люблю. И не хочу, чтобы кто-то смог исправить то, что я сделал с такой беспощадной... любовью. Не хочу, чтобы кто-то получил мой трофей. Она моя навечно, даже когда перестанет возбуждать мой разум и мое тело. Это не обсуждается. Она еще не знает, что я буду последним, кто

имеет ее. Во всех смыслах.

– Я хочу тебя трахнуть, детка, – грубо говорю я, продолжая смотреть на синие следы засосов на ее шее. Меня они заводят сильнее, чем раньше на других. Мои слова для Лекс не откровение. Она на мне. Сверху. Чувствует.

– Ты неподражаем, Джейсон. Твои признания как-то не очень сочетаются вместе. – Ее взгляд замирает на моих губах, потому что я облизываю их. Готов поспорить, что и она не прочь пройти по ним своим язычком. Кстати, Лекси относится к тому самому ненавистному типу фальшивых моралистов и показушных недотрог. Ей хочется верить в то, что она хорошая и правильная девочка, попавшая в лапы злого и озабоченного серого волка. Но на самом деле она там, где и должна быть. Наша встреча предрешена. Теперь я в этом не сомневаюсь.

– А, по-моему, одно вытекает из другого. Я люблю тебя, я хочу тебя. Ты видишь ситуацию иначе? – кладу ладони на ее бедра, впиваюсь пальцами, наслаждаясь мягкостью ее кожи. Юбка задирается выше, и я вижу треугольник белых трусиков. Приподнимаю бедра, трусь об нее своей эрекцией. У меня не падает, пока она рядом. Даже когда я кончаю, он снова встает, стоит только посмотреть на нее. Побочное явления любви? Романтично же? Нет?

Вы просто завидуете.

Она закрывает глаза, прижимаясь щекой к моей щеке. Я слышу, как прерывисто она дышит. О, да, я чувствую, как

желание струится по ее венам, отравляя кровь. Если бы она была другой... Если бы я позволил исправить свою малышку после того, как все закончится, она бы с ужасом вспоминала эти минуты, когда ее тело было одержимо и пропитано мной. Лекси думает, что может однажды уйти, она сопротивляется, уже меньше и реже, пытается найти объяснения своему противоестественному желанию. Такая дурочка. Ей невдомек. Я сломал ее. В самые первые дни. Легко и просто. Все, что мы имеем, последствия психотравмы, которую я ей нанес. Я вломился в ее жизнь и разнес в клочья, в щепки. Я взял контроль в свои руки и теперь она зависима от меня, как грудной младенец от материнской груди. Кошунственное сравнение. Но оно нагляднее всего показывает неразрывность установившейся связи. Когда ломается личность, поглощенная другой, происходит полное слияние, экстаз, невероятный кайф. Она не принадлежит себе. Ни одна ее гребаная мысль.

Я берусь за воротник ее блузки, прилагаю минимум усилий и разрываю, стаскивая с нее обрывки. У нее неидеальная грудь, но я умираю от желания лизать и пробовать ее. Слишком маленькая, с крошечными горошинками сосков. Но безумно чувствительная, как и все ее тело. Это еще одно качество, которое меня заворожило. Я веду пальцем по линии ее плеч и вниз к соску, и вижу, как вся моя девочка покрывается мурашками. Я ощущаю запах ее возбуждения, сладкий, как вся она. Чувственная женщина – редкость.

Многие фригидные дуры говорят, что не встретили нормального мужика, и поэтому роль бревна для них предпочтительнее, чем визит к сексологу. Они сваливают проблему, вместо того, чтобы пытаться самим пошевелиться. Я не самый нежный любовник, но кое-что могу и, признаться, за весь мой опыт с женским полом, пассивные, скучные в постели бабы попадались гораздо чаще, чем чувственные и отзывчивые. А поскольку я после гибели Сэм ни разу не состоял в отношениях больше, чем на ночь или без контракта, то эти фригидные сучки фальшиво притворялись, в надежде поймать с меня побольше бабла. Лекси не притворялась. Жаль, что понял это не сразу. Привык к дешевым показушным играм подготовленных первоклассных шлюх. И от нее ждал того же.

Раздвигаю ее ножки шире, веду пальцем по белому кружевному треугольнику, надавливаю там, где ей бы хотелось сильнее. Она выгибает спину, хватая меня за плечи. Трется. Она горяча. Обворожительна, неповторима.

Не только я один вижу это. Мужики, самцы, все, без исключения. И чувствуют женщину, которая может подарить им рай. Которая хочет. И умеет отдавать. Умеет наслаждаться. Когда я увидел ее впервые, не на фото, а в реальности, спускающуюся по лестнице в вульгарном красном платье, которое просвечивало белье, меня аж прострелило. Тряхнуло так, что сам не поверил. Еле сдержался, чтобы не утащить сразу же и не убедиться в том, что правильно разглядел, разгадал. Хотел всыпать по ее классной заднице и за-

трахать до одури. Ее взгляд сбивал с толку. Невинный, испуганный. «Отличная роль», – думал я. Бл*дский макияж и бл*дское платье отвлекали. Я не увидел ее сразу, а потом она разозлила меня, и я уже ничего не мог видеть. Хотел раздавить ее, смешать с дерьмом, потому что чуть не легла под Брайана, потому что вызвала во мне бурю страстей, потому что была такой красивой, что хотелось смотреть часами. С трудом, но совладал с собой и занялся введением в действие своей методики захвата личности и ее полного порабощения. Она сдалась сразу. Легкая добыча. Но я не почувствовал кайфа, ни от ее слез, ни от унижения. Первые звоночки, которые я пропустил. Нужно было остановиться еще тогда и выкинуть ее к черту. Вы правильно поняли, я вовсе не рад тому, что она во мне разбудила. И Лекси тоже не будет рада. Я уверен.

– Джейс... – стонет она мне в губы, прежде чем поцеловать. Ее язык скользит мне в рот, я ловлю его, кусаю и посаываю. Она расстегивает мои брюки. Я срываю ее трусики. Толкаюсь вперед, закрывая глаза от мгновенно охватившего кайфа. Мы оба стонем и замираем, прежде чем отдаться траханью с головой. Я нежно целую ее губы, а потом сильно ударяю по ягодицам, до боли сжимая их. Она всхлипывает, но не отстраняется. И я иду в атаку, устанавливая бешеный темп, от которого перехватывает дух и раздваивается сознание. Мы погружаемся в секс, как в транс, как в некий ритуал, отдаваясь полностью, на износ. Ее оргазмы заставляют со-

дрогаться и меня. Я чувствую ее остро, ментально, всем своим телом, кайфую до скрежета зубов. Мой член пирует, пока сердце колотится, как ненормальное, любуюсь ею. С самого первого раза это не было сексом ради секса. Она затащила меня. Дотронулась до сердца. Черт ее знает, как она сумела. И когда это произошло. И имеют ли теперь значения сроки. Лекси еще не в курсе, но она со мной до тех пор, пока я не найду способ разлюбить ее. Пока мне не надоест ее гибкое страстное тело.

Но возвращаюсь назад к истокам зарождения нашей безумной связи, вспоминаю ее на коленях. С запрокинутым лицом, покрытым бледнеющими синяками. Я тогда думал, что впервые так сильно разукрасил женщину и меня здорово смутили собственные эмоции по этому поводу. Я не мог сделать с ней и половины того, что обычно было уготовано для птичек в зеркальной комнате. Хотел, но не мог. Злился и унижал ее. Потом сидел часами перед монитором, рассматривая видео с камер в ее клетке. Каждый жест, взгляд, вздох, движение. Приближал картинку, смакуя, возбуждаясь до болезненных спазмов, которые не могла снять ни рука, ни Лиса, ни трахнутая на голову Меган.

А сейчас я лежу на ней, все еще погруженный в это божественное тело, чувствуя, как ее маленькая дырка сжимает своими влажными тисками мой член, готовый к новому раунду. Ее глаза закрыты, и я могу смотреть так, как хочу, чтобы она не увидела, не догадалась, что сейчас происходит

внутри меня. Не прячась за масками.

– Я люблю тебя, – повторяю я, как мантру. Пусть привыкает. Это не просто слова. Это ее будущее. Целую в припухшие губы, приподнимаясь на локтях. Она такая горячая и влажная там внизу, когда я слегка двигаю бедрами, напоминая о себе. – Хочешь еще?

Она открывает глаза, в которых так много всего, кроме того, что мне действительно необходимо.

– Я не могу сказать «нет», – напомнила Лекси не без иронии, ее ладонь легла на мои медленнодвигающиеся ягодицы. Она сжимает, впиваясь ногтями, подстраиваясь, включаясь в процесс. Эта девочка – просто богиня. Когда сильный шлепок ударяет по правой доле моей железной задницы, я даже не удивляюсь. Лекси Памер – та еще штучка. Ей бы понравилась роль госпожи. Непременно понравилась. Она бьет меня, потому что хочет, чтобы я трахнул ее сильнее. Жестче. Так, как мы обычно это делаем. Моя лучшая ученица. И я всегда готов пойти ей на встречу.

Утром прилетает Марк. Отец послал брата, чтобы вправить мне мозги. Два идиота. Словно я когда-либо слушал чужие советы.

– Привет. Я без багажа. Сегодня последняя игра. Ты же не собираешься зависать здесь дольше, чем до завтра? – с порога тараторит Марк. Он клевый парень, несмотря на то, что гей. Я люблю его. Из всех моих родственников, он и Ви-

ви – два человека, которые имеют для меня значение. Я дорожу ими, в то время, как остальных родственников просто терплю или откровенно презираю, или забываю об их существовании.

– Рад тебя видеть, – пожимаю протянутую руку, отмечая легкую щетину и следы недосыпания на лице брата. Пару лет назад Марк отпустил волосы, и сейчас они находятся в плачевном состоянии. Розовая рубашка мятая, джинсы в пятнах от кофе. – Неважно выглядишь.

– А ты – просто супер, – окинув меня взглядом, отмечает Марк. Я только с пробежки. Потный и в шортах. Не уверен, что он не льстит. – У меня небольшие личные проблемы. Покажешь мне, где я могу принять душ и переодеться?

– Мой мальчик приехал! Как ты? – с кухни выплывает Джо и летит к Марку, заключая его в свои объятия. Джо – тоже о– тоженно важный для меня человек.

– Джо, накорми Марка завтраком и покажи его комнату. Я пока поднимусь к себе.

Захожу в свою спальню, прикрывая за собой дверь, и раздеваясь по дороге в душ, краем глаза замечаю, что Лекси все еще спит, как убитая. Мне нравится, как она смотрится среди спутанных простыней. Во сколько мы уснули? А, да кто смотрел на время? Ей будет не просто влиться в мой график. Но люди привыкают к самым разным вещам. Кто-то, вообще, червяков и лягушек ест. Сейчас я выматываю ее, но пройдут недели, и малышка втянется.

Выхожу из душа мокрый и голый, не тратя время на полотенце. Открываю гардероб, вытаскиваю первые попавшиеся спортивные штаны и футболку, из выдвижного ящичка – боксеры. Минута, и я полностью одет.

– Я тебе завидую. Ты просто энерджайзер. И задница у тебя обалденная, – раздается заспанный голос. Закрываю гардеробную и поворачиваюсь. Она лохматая и прекрасная. Мой член мгновенно реагирует, но сейчас у нас нет времени. Нужно позавтракать и бежать на стадион. Перед матчем предстоит разминка и быстрый инструктаж. Но когда я возбужден, играю гораздо лучше. Поэтому тренер не советует трахаться перед игрой. «Кончая, вы спускаете весь свой энтузиазм». Раньше я придерживался правил, сейчас – через раз.

– Поднимай свою не менее обалденную задницу, малышка. У тебя двадцать минут. Мы с Марком ждем тебя в гостиной.

– Марк приехал?

– Я же говорил. Чем ты слушала? – подхожу к кровати, рывком срывая с Лекси одеяло.

– Что за фигня, Джейс! – ругается она, закрываясь руками. Я хмурюсь, скользя взглядом по изгибам стройного тела и многочисленным следам моей несдержанности. Может, стоит быть осторожнее? Обычно я балдею, когда вижу свои отметины. Это мой фетиш. Нет, я не могу отказаться от того, что приносит мне столько удовольствия.

– Двадцать минут. Надень джинсы. Мне нравится, как они сидят на твоей попке, – широко улыбнулся, бросив обратно одеяло и вышел из комнаты.

Успел съесть омлет на обезжиренном молоке и выпить зеленый чай с протеиновым батончиком, пока дождался Марка. Он выглядит гораздо лучше. Вымыл голову и побрился. Сменил грязную одежду.

– Джо, меня уже накормила, – сообщает Марк, вальяжно вытягиваясь в кресле. – Я бы выпил.

– Встань и налей, – пожимаю плечами, делая глоток горячего чая. – Так какого хера ты приперся, Марк?

Брат неспешно проходит к бару, достает стакан, наливает в него виски и разбавляет содовой. Возвращается в кресло.

– Решил поболеть за брата. Последняя игра сезона все-таки, – явно врет хитрый засранец. Или засланец правильнее будет? – Говорят, ты стал хуже играть. Правда? Или сплетни?

– Посмотришь сегодня и сам решишь, – сухо отвечаю я, прекрасно зная, откуда ветер дует.

– Еще говорят, что ты чудишь. С Майли контракт разорвал. С проституткой своей везде таскаешься.

Я напрягаюсь. Мне стоит огромных усилий не вскочить и не вмазать брату по морде. Это не мои методы. Не сегодня. И он не виноват.

– Александра Памер – не проститутка. Еще раз услышу, получишь. Усек? – холодно спрашиваю я, вкладывая интонацию голоса все негативные эмоции, которые испытываю.

Марк озадачено рассматривает меня, маленькими глоточками смакуя виски.

– Хорошо, Джейс. Я тебя понял. – кивает он. – И мне импонирует то, что я вижу. Ты ведешь себя, как мужик. Впервые.

– Что ты можешь знать о том, как ведет себя мужик? – насмешливо спрашиваю я.

– Если ты хочешь намекнуть на то, что я предпочитаю мальчиков, то могу сказать, что ориентация никак не повлияла на мою мужественность.

– То есть, это ты пердолишь, а не тебя, – я смеюсь, хотя мысль об этом меня коробит. Он мой брат, все-таки.

– Мы говорим о тебе, Джейсон. Отец просил напомнить о том, кем является Александра Памер, и какие отношения вас связывают. Существует опасность, что в случае, если ею вдруг заинтересуется пресса, кое-что может всплыть.

– Мне похер. Это мое дело, понимаешь? – я смотрю на Марка тяжелым взглядом. Он не выдерживает и отводит взгляд.

– Понимаю. Я так же понимаю, что эта девушка не из нашего круга. Ты не можешь быть уверен в том, что, почувствовав власть денег, особое отношение к ней, она не поведет себя иначе. Кто-то другой перекроет цену, что предложил ты, и она сольет всю информацию о вашем контракте. Ты же не веришь в ее преданность после того, что случилось? Отец все мне рассказал. Плохая история, Джейс. Ты должен

быть начеку, – серьезно произносит Марк. Я знаю – сейчас брат говорит то, что думает. Он беспокоится обо мне. Гребаный придурок.

– У меня все под контролем. А отец сам заварил эту кашу, – резко отзываюсь я.

– Послушай, Джейс, я его не оправдываю, – миролюбиво начинает Марк. – Он всегда действовал грязно. И я искренне хочу, чтобы с Лекси у тебя всё получилось. После Сэм ты не был в стабильных отношениях. Прошло много лет, и все, что ты имел – избитые тобой проститутки, которые стоили огромную кучу денег. Я никогда не пытался лезть в это...

– И сейчас не начинай, Марк, – холодно отрезаю я. Лицемерие отца, подославшего парламентаря для урегулирования некоей, видимой только ему проблемы, вызывает во мне волну отторжения и негодования.

– Хорошо, – вздохнув, кивает Марк. – Я всегда на твоей стороне, Джейс. Ты знаешь, я сам никогда не прогибался под чужое мнение. И на своей шкуре испытал то, каким жестоким может быть общество, если ты с ним не считаешься. И было время, когда мне хотелось плюнуть в лица всех этих высокомерных снобов и привести на очередной светский вечер своего парня.

– И ты это делал, – со смешком напоминаю я. – Картина маслом. Я помню, как отец хватался за сердце. Кем был тот мускулистый мачо? Стриптизер или бармен?

– Автопарковщик, – с ухмылкой напоминает Марк. – Я

был влюблен и думал, что это навсегда.

– Отец заплатил ему, чтобы он свалил из штата.

– Пол проделывал это раз пять, пока не понял, что я все равно найду кого-то еще, и этот кто-то не будет женщиной. – Марк смеется с горечью и каким-то еще неопределяемым выражением.

– Зачем он это делает? Постоянно пытается контролировать нашу жизнь? Ему невдомек, что мальчики выросли? – раздраженно бросаю я. Марк прекращает смеяться, пожимая плечами, задумчиво смотрит на меня.

– Он стареет. Наверное, в этом дело.

– Пол всегда был таким. По отношению ко мне – в особенности.

– Ну, ты всегда был любимчиком. Хотя говорят, что младших любят сильнее. Что слышно о Брайане? Ты давно с ним не созванивался?

Я неопределенно дернул плечом. Брайан – мой брат, но я никогда не чувствовал особой связи с ним. Не так, как с Марком. Думаю, что и Брайан тоже меня ненавидит. Причины? А кому они важны эти долбаные причины? Иногда ненависть возникает просто так, без всяких там оправданий и предысторий. Но наши личные отношения не имеют значения, когда дело касается семьи. Я, как и он, уьем друг за друга, и это не обсуждается.

– Мы никогда не созваниваемся, – сухо отвечаю я. – Я не могу с ним разговаривать больше пяти минут. Пока он не

прекратит принимать наркотики, Брайан будет продолжать быть главной угрозой спокойствию нашей семьи. Не я. Вот о чем и о ком должен думать отец.

– Но он всегда думает о тебе, – ухмыляется Марк, допивая свой напиток. – А вот и твоя искусительница! – восклицает он, поднимая голову. – Я гей, но не могу не заметить, что она хороша. Я понимаю тебя, брат.

Мы оба смотрим, как Лекси Памер легкой поступью спускается по лестнице. С забранными в небрежный пучок волосами, и подкрашенными пухлыми губками и ресничками она выглядит юной и очень хорошенькой. Она надела джинсы, как я просил, и они идеально облепили ее сладкую попку. Голубая спортивная кофта на молнии закрывает руки и горло. Ей будет жарко и неудобно.

– Малышка, помнишь Марка? – я протягиваю руку, усаживая ее рядом с собой на подлокотник кресла. Она не сопротивляется. Напротив, ее пальцы, теплые и нежные, переплетаются с моими. Я не могу удержаться, тянусь и целую ее плечо.

– Привет, Марк, – говорит она сдержанно.

– Будем болеть за нашего героя вместе? – с улыбкой спрашивает Марк. Он умеет нравиться людям, когда захочет. И есть правило, которое работает, вопреки моему пониманию. Девушки всегда доверяют геям. Они просто обожают геев. Хотят дружить с геями. Это похоже на эпидемию. Каждая знакомая мне девушка хотя бы раз хвастливо говорила: «Ви-

дишь того клевого парня? Он мой лучший друг. И он гей». Но скажу больше. Это не всегда взаимно. Раз парень выбрал парня, значит, на то есть причина, и она заключается точно не в симпатии к противоположному полу. Взаимоотношения полов, вообще, очень интересная штука. В университете я много чего перечитал на эту тему. Но, на самом деле, ни один психолог не сможет помочь гею стать не геем. Значит дело, все-таки, не в психологии. Но с женщинами все иначе. Процент стопроцентных, врожденных лесбиянок низок, очень низок. В основном, тяга женщины к женщине, как раз-таки результат психотравмы или распушенности, и носит приобретенный характер. Нам, мужчинам, больше по нраву последнее. Распушенность. О, да, мы тоже любим иметь в подружках парочку лесбиянок. Но обычно этим не хвастаемся. Ну, вы понимаете, о чем я.

Проходит не больше десяти минут, и Лекси и Марк уже забывают обо мне, болтая обо всякой ерунде. Джо суетится с завтраком для моей крошки. Но у нее опять нет аппетита. Джо тоже попала под очарование Лекси. Что происходит? Откуда в этой хрупкой девушке столько власти над людьми? Она опасна, и сама этого не понимает. В бизнесе ей бы не было равных с удивительным умением очаровывать людей, не прилагая усилий, без искусственных маневров и ужимок. Это дар от Бога. Я бы взял ее на работу менеджером, имей она опыт и образование.

– Тебе пора, Джейс, – взглянув на часы, напоминает Лек-

си. Я киваю. Встаю, целую ее в щеку, киваю на тарелку с почти нетронутым омлетом.

– Доешь все. Увидимся через пару часов, – пожимаю руку брата и иду к двери. – Зайдешь в раздевалку перед игрой пожелать мне удачи, – оборачиваясь на пороге, прошу я. Лекси кивает, мягко улыбаясь мне, а Марк выглядит весьма удивленным.

Лекси

– Охренеть, что ты сделала с моим братом? Он еще не подарил тебе обручальное кольцо? – восклицает Марк, как только Джейс выходит за дверь. Парень кажется мне безобидным, несмотря на присущее всем членам семьи Доминик выражение самодовольства и надменности на лице. Но, думаю, что это врожденное.

– Сплюнь, Марк. Он не принимает слова «нет», а в мои планы не входит вечно быть девочкой для битья при твоём брате, – отвечаю я максимально честно. Он удивленно вскидывает брови. Голубоглазый. В отца. Как и Брайан. Джейс тоже похож на Пола, но не цветом глаз и темпераментом. Несомненно, из всех он самый импульсивный, смуглый и горячий.

– Да? А мне показалось, что он завязал. Джейс выглядит влюбленным.

– Да, пока ему хочется так думать и выглядеть, – сухо произношу я, доедая без энтузиазма свой омлет. – Марк, ниче-

го личного. Но мы оба знаем, что твой брат нестабилен. Его чувства меняются каждую минуту.

– Я не соглашусь, нет, Александра. Ты не права. – Он хмурится. Неужели я задела его чувства? Я не заметила особой любви между братьями ранее, но сегодня они вполне сносно общались. – У Джея к тебе определенно есть особое отношение. Это заметил не только я.

– Может, ему просто захотелось всех позлить? – пожимаю плечами.

– По-моему, это ты злишься. Я понимаю. Пол рассказал мне, что тебя обманули, и ты не догадывалась, с кем придется иметь дело.

– Слово «иметь» ключевое, заметь, – цинично отзываюсь я. – Я, вообще, не предполагала, что меня будут иметь в прямом и переносном смысле. Нет, я не жалею и не уменьшаю собственную ответственность за глупое решение. Я могла бы впасть в истерику, но что бы мне это дало?

– Негативный отклик со стороны Джейса, – кивает Марк, рассматривая меня с большим интересом, чем минуту назад. – А ты молодец. Умная девочка.

– Не раз в жизни приходилось подстраиваться под обстоятельства. У меня к тебе вопрос. Можешь ответить максимально искренне? – вопросительно смотрю в голубые глаза Марка.

– Конечно. Давай, – заинтригованно соглашается он.

– Контракт на полгода. Закончится в конце октября. А

мне нужно в начале октября быть в Гарварде. Как мне быть? Ты знаешь брата лучше, посоветуй.

– Гарвард? Ты поступила в Гарвард? – изумленно спрашивает Марк.

– Да и получила стипендию, которая покрывает все мои расходы. Принстон тоже ждет меня, представь себе. Но я выбрала Гарвард. Так что этот долбаный контракт мне нахрен не сдался. Меня тупо подставили, а я была слишком глупа, чтобы все перепроверить. На самом деле, я повелась на легкие деньги, которые мне пообещала подруга. У меня не было оснований ей не доверять.

– Почему ты так со мной откровенна? – нахмурился Марк, скользнув по мне подозрительным взглядом.

– Я не говорю тебе ничего запредельного. Джейс не в курсе про Гарвард, я и сама узнала только вчера. В этом ничего секретного нет. Просто хочу понять, к чему готовиться. Просить отсрочку в Гарварде на месяц, что может стоить мне стипендии, или понадеяться на благоразумие Джейсона, хотя маловероятно, что он знает значение этого слова?

Марк задумчиво потирает гладко выбритый подбородок.

– Я знаю точно, что еще ни одна девушка не продержалась больше трех месяцев. Джейс остывает очень быстро, – тщательно подбирая слова, медленно произносит Марк. – Но ваша ситуация немного отличается. Он увлечен. Если скажешь ему про Гарвард, он воспримет это, как вызов. Как попытку манипулировать им. Лучше помоги ему остыть, и он осво-

бодит тебя раньше, без потери материального вознаграждения. Это было бы идеальным решением для всех. Опять же, я не могу ничего гарантировать. Когда Джейс в последний раз был увлечен, это кончилось плохо. Постарайся сделать так, чтобы Джейсон не влюбился в тебя сильнее.

– Он говорит, что любит меня, Марк, – выдохнула я, почувствовав укол в сердце. Наверно, сейчас я предаю его. Но мне все равно. Мои личные интересы важнее его чувств. Брат Джейсона заметно побледнел. – И мне страшно до чертиков.

– Черт. Все еще хуже, чем мы думали, – Марк резко вскакивает, нервно проходит к окну, останавливается и, обернувшись, смотрит на меня пристально и изумлённо. – Как ты, бл*дь, это сделала? Он – непробиваемый ублюдок, который имел лучших баб, с родословной, связями, многомиллионными счетами. Исправь это, Лекси. Иначе все кончится дермово. Для тебя – в первую очередь.

– Как я могу это исправить? – вспыхнула я. – Словно мне нужна его извращенная любовь. Он же псих. С него станется прибить меня, если он решит, что я его «огорчила».

– Не забывай, что говоришь о моем брате, Лекси. Джейсон – не псих. Он здоровее всех нас. Его мозг работает иначе. Быстрее и шире. Он чертов гений.

– Ну да. Игра на скрипке, психология, футбол, садизм и насилие, но, замечу, только в рамках контракта. Джейсон Доминник – просто загадка природы.

– Относись к нему серьезнее, Лекси. У тебя два выхода, полюбить его тоже, или сделать все, чтобы он тебя расхотел.

– Как? – отчаянно спрашиваю я, ощущая себя беспомощной и смертельно уставшей.

– Ну, не знаю... Я по другой части, ты же в курсе. Что ему нравится в тебе? Новизна. Если раньше Джейс имел дело с профессиональными шлюхами, то сейчас он кайфует от неожиданных для него самого эмоций. Твоя реакция на него, на все, что он делает иная, чем он привык. И его это заводит. Искренность, наивность, чистота.

– Чистота? Ты серьезно? Я, вообще-то, уже месяц, как с Джейсоном, – с сарказмом напомнила я. – И наивной никогда не была.

– Неважно. Веди себя так, словно знала о том, что тебя ждет, словно подписывала контракт, прекрасно осознавая последствия. Держи эмоции под контролем. Не дай ему добраться до тебя. Пусть он увидит, что ты такая же, как все. Пусть устанет от тебя, насытится.

Я опускаю глаза на свои подрагивающие пальцы. Почему слова Марка, рациональные и имеющие смысл, причиняют мне боль? Внутри нарастает протест и отрицание. Но разве это не выход? Он предлагает правильные методы взаимодействия с Джейсоном. Марк знает своего брата лучше, чем я.

– Насытится... – горько ухмыляюсь я. – Боюсь, что ты не совсем понимаешь, как непросто сделать так, чтобы Джейсон насытился. Он изъявил желание не иметь сексуальные

связи на стороне, а я, знаешь ли, все-таки не готова к такого рода экспериментам.

– Джейс и верность? Брось. Он тебя развел. – Марк смеется. – В любом случае, ты можешь намекнуть, что не ревнива. Пусть кто-то еще делает твою работу.

– Отлично. Мне нравится твой подход. – Нервно пожимаю плечами. Мне все это кажется неправильным. Я не хочу даже думать о том, что Джейс снова начнет трахать все, что находится в поле его зрения. А потом прикасаться ко мне. Это невысказано. Я не смогу.

– Нам пора. Поехали. Мне нужно еще кое-куда заехать по дороге. – Марк пристально смотрит на меня. – Лекси, я надеюсь, что мы друг друга поняли. В твоих интересах сделать так, чтобы ваша лавстори закончилась, как можно скорее. Я, в свою очередь, обещаю тебе поддержку.

– Да, – кивнула я, вспоминая, что когда-то Брайан говорил нечто подобное. И его помощь в итоге вышла мне боком.

Было странно сидеть на трибуне вместе с Марком. Имею в виду, без Майли, которая в последнее время была особенно выносима. Я снова и снова возвращаюсь во вчерашний день. Полтора миллиона отступных, чтобы она исчезла из его жизни. Он расстался с деньгами, не моргнув глазом. Мне нужно сделать так, чтобы Джейс захотел меня отпустить. Черт, сейчас я завидую Майли. Дай Бог, чтобы Марк оказался прав, и Джейсон быстро устанет от моего общества. Я лишь могу по-

мочь ему в этом. Что провоцирует мужчин на страсть? Инстинкт охотника. Да, я не сопротивляюсь, как дикая кошка, но и не кидаюсь на него, как безумная фанатка. И, честно говоря, даже ради Гарварда я не готова это делать. Но, видимо, придется. Покорность, желание угодить, фальшивость – вот, что отвернет его от меня. Я обязана бороться за свою мечту. К черту Джейсона, к черту чувства, которые он во мне вызывает. Я справлюсь. Иначе просто и быть не может. Слишком многое поставлено на кон. Не имею права на слабость.

Но что мне делать с этой романтичной влюбленной дурочкой внутри меня, которая сейчас любит своего мужчиной. Огромным, сильным, жестким, темпераментным, непредсказуемым и диким. Лишь на минуту я впускаю эмоции в свое сердце, чувствуя его болезненные спазмы. Когда во время пауз он поднимает взгляд на трибуну и находит меня, в его глазах я вижу то, что переворачивает мою душу, наполняя ее огнем и болью одновременно. Я должна это сделать.

Должна погасить этот огонь.

Если хотя бы на минуту дать нам шанс, поверить в то, что его чувства настоящие и навсегда, я все равно понимаю, что для меня они смертельно опасны. Нужно быть честной с самой собой. Я не потяну такого парня, как Джейсон Доминик. Я с ним не справлюсь.

У меня один выход. И я им воспользуюсь.

Команда Джейсона одерживает фееричную победу. Кто бы сомневался. Ему, как лучшему игроку, приходится давать

комментарии прессе. Все это время он держит меня за руку, а я думаю о своей маме, что, возможно, теперь она успокоится относительно роли дочери в жизни известного футболиста. Конечно, родители никогда не одобряют то, что я стала любовницей публичного человека, вместо того, чтобы выбрать роль жены Мика. Даже Андреа в своем юном возрасте понимает, что я накосячила. Когда первый восторг от того, что ее сестра встречается с сексуальным и распиаренным футболистом поутих, изменился и тон общения. Теперь Дреа все чаще просит меня вернуться домой, как бы невзначай рассказывает о том, что Мик снова приходил к ним, предлагал помощь и спрашивал обо мне. Если бы мои близкие узнали правду, это бы убило их.

– Все в порядке? – спрашивает Джейсон, когда мы, наконец, оказываемся вне толпы его фанатов и вспышек фотокамер. Мы едем домой, чтобы переодеться и рвануть в клуб. Отмечать победу. Я не чувствую особого энтузиазма, потому что знаю, в какой именно клуб мы поедем. И мне там страшно не понравилось в прошлый раз.

– Да, отлично. Ты – герой дня, – рассеянно киваю я, натянуто улыбаясь. Джейс сжимает мое запястье. Сильно. До характерного хруста.

– Что ты делаешь! – всхлипываю я, почувствовав резкую боль.

– Не ври мне. Я не слепой, – раздраженным тоном произносит Джейсон, пронзая меня свирепым взглядом. Прожи-

гая до самого основания. Только он умеет так делать.

– Джейс, полегче, – вмешивается Марк.

– Тебя никто не спрашивал, – рычит на него Джейсон, демонстративно отворачиваясь к окну, полностью нас игнорируя. Мы с Марком напряженно переглядываемся. Никто не говорил, что будет легко.

С Джейсоном понятия «просто» не существует. Но я не могу обвинять его в этом. Я думаю, что второго такого Джейсона нет в природе. И это здорово. Потому что он и один способен наворотить немало дел. А мне просто не повезло. Я встретила воплощение зла и соблазна в одном парне с нестабильной психикой. И он, по какой-то, одной ему известной причине, вбил себе в голову, что влюблен в меня.

Я обязана разубедить его в этом, развеять опасное для нас обоих заблуждение. Если придется в очередной раз поступиться своей гордостью – черт с ней. Я уже столько границ переступила. Мне больше ничего не страшно.

Я так рассуждала в этот момент и действительно верила в то, что справлюсь. Что моих душевных и моральных сил хватит, что я смогу обыграть Джейсона Доминника. Я заблуждалась, забывшись, сколько раз до этого он вскрывал мои карты, развеивал в пух и прах любые попытки предугадать его следующее действие. Я заблуждалась, и он видел меня насквозь. Джейс читал меня, как книгу, жадно проглатывая страницу за страницей, или, правильнее сказать, выдирая одну за другой. Когда он закончит, от меня не останется ниче-

го, кроме обуглившейся обложки, пустой оболочки без содержимого. Моя главная ошибка состояла в бабской дурасти, наивном представлении о влюбленном мужчине. Память все время ставила мне подножки, подменяя понятия и образы. Не без его влияния. Я забыла не сразу, но шаг за шагом, с чего мы начали и куда в итоге можем прийти. Я поверила ему, поверила в то, что его чувства ко мне смогут помочь. Дура. Чувства ко мне – самое страшное, что могло случиться со мной. С нами.

Я позволила ему вести меня, полагая, что правильно сыгранная роль его безропотной, на все согласной жертвы охладит его пыл. И он вел. Все ниже и ниже. Пока я не почувствовала, что задыхаюсь, что больше не могу... Рамки дозволенного раздвинулись настолько, что на какое-то время я перестала удивляться, перестала ощущать стыд, сомнение. Я отключилась, понимая, что от меня в этой игре не зависит ровным счетом ничего. Я могу лишь позволить ему брать. Снова и снова. Пока он не устанет. Пока не скажет достаточно.

Целый месяц мы путешествовали. У Джейсона образовался перерыв на длительное время, и он не собирался проводить его скучно и предсказуемо. Словно с ним такое возможно. Словно этот сукин сын хотя бы одну минуту провел, как примерный мальчик. После Испании он увез меня в Париж, где провел по всем значным местам, опуская на самое дно

своих извращенных фантазий. Потом были Венеция, Рим, Лондон. Самой горячей была неделя в Лас-Вегасе. Мы приходили в клубы для избранных, в которые у него всегда был доступ. Джейс сам выбирал, что я надену, и это, поверьте, никогда не было скромным нарядом приличной девушки. И в этих злочных местах я насмотрелась таких мерзостей, от которых человека с традиционными сексуальными взглядами, начинает тошнить после второй минуты. Но Джейсон не был традиционным. И то, чего он хотел от меня, тоже не было обычным утолением похоти.

Иногда это было безумно красиво и пронзительно, иногда грязно и мерзко. Но никогда предсказуемо. Он познакомил меня со своим ремнем, со всеми вытекающими из этого сомнительного знакомства последствиями. Но это было наименьшим из зол, потому что я тоже иногда любила приложить его пряжкой. Завязывал мои глаза и часами издевался, держа на грани, контролируя каждый вздох, каждый стон боли или сладострастия. Мы стояли друг друга, и временами было весело. Я хотела его любого, и он давал мне то, что никто и никогда из моей обычной жизни до Джейса, не осмелился бы. Уже позже наши игры становились все грязнее, выходя за грани. Я не понимала, что иду дорогой, с которой сойти сложно, вернуться – просто невозможно. Я никогда не стану другой, приняв то, что дал мне Джейсон. Он проник в меня в буквальном смысле слова, притаился в каждой клетке, я была окутана им каждую секунду жизни в течение тех

безумных дней. Иногда я плакала, навзрыд, горько и отчаянно, оплакивая свою душу, пока он слизывал мои слезы, выпивая все мое тело своими жадными губами. Он шептал, что любит меня, что я лучшее, что было в его жизни, и я верила.

Я забыла, кто я. Для чего я.

Я забыла обо всем, что было важным еще вчера.

Я забыла про Гарвард, свои планы.

Про своих родителей. Про сестру.

Я поддалась одержимости по имени Джейсон Доминник.

Я не послушала советов людей, которые знали Джейсона дольше и лучше меня.

Я пустила его в свое сердце. Или мне просто казалось, что я решаю хотя бы что-то в наших отношениях. Или он позволил мне так думать.

Я никогда не была хорошей девочкой. В шестнадцать лет отдалась малознакомому парню на вечеринке, которую устраивал кто-то из одноклассников. После, мы встречались с ним почти год, но ему так и не удалось разбудить мои чувства. Потом спуталась с женатым парнем. И в этих отношениях моя чувственность раскрылась во всей красе. Я смогла все закончить, благодаря поставленным целям и самодисциплине. Потом был плохой парень с криминальными наклонностями. На самом деле у меня не было времени на романы. Мои свидания не были длинными. Быстрые встречи, без ночевки и совместных выходных. Возможно, в этом причина того, что я не была влюблена ни в кого из моих быв-

ших. Сейчас же, я занималась только тем, что принадлежала Джейсону Доминнику. Каждый день. На его условиях. И он был прав, когда говорил, что мне это понравится. Я втянулась. Стала его ручной походной шлюхой, на все согласной девочкой. Да, это неприглядная правда. Никакой романтики в том, что между нами происходило, не было, голая порнография. Полет его фантазии не распространялся на прогулки при луне, ужин при свечах или банальный поход в кино или театр. Хотя нет. Нам однажды пришлось побывать на опере в Ла Скала, то даже там он умудрился утащить меня в туалет, не дожидаясь антракта. Справить нужду, но не ту, которую обычно справляют в туалете. Наверное, я должна была чувствовать стыд, но не чувствовала. Я потеряла его на мраморном полу шикарной уборной театра, вместе со своими трусиками.

Осознание полной картины происходящего пришло позже. И я вздрогнула и ужаснулась, когда поняла, как далеко позволила всему этому зайти. Я позволила бы зайти еще дальше, не случись события, которые остановили этот театр абсурда.

А в Вегасе все стало еще хуже. Возможно, дело в самой атмосфере вседозволенности этого города, но Джейсон сорвался с катушек. Там он впервые открыл мне глаза на то, что может ждать меня в скором будущем. Без прикрас. До этого я еще пребывала в состоянии зависимого блаженного транса, убеждая себя в том, что происходящее между нами

двумя, сугубо наше дело.

Как объяснить то состояние, в котором я пребывала рядом с ним? Похоже на наркотическое опьянение, но без приема запрещенных препаратов. Джейс был моим единственным запрещенным наркотиком. Мир растворялся в тумане, когда он держал меня в своих руках. Я доверила ему все, включая не только свое тело, но и принятие решений. Самых диких и сумасбродных. Я отдала ему власть. Всю власть.

Во время одной из вечеринок, Джейс отвел меня в вип-комнату, чтобы мы уединились. И в этом не было ничего такого, к чему бы я не была готова. Чаще все происходило прямо в зале или в туалете, в любом другом месте, которое казалось ему подходящим. Конечно, мы не были теми извращенцами, которых потом выкладывают на ютубе. Нет. Все свои дикие выходки Джейсон совершал в местах, где это было уместно, ну или максимально конфиденциально, настолько, насколько может быть конфиденциальной кабинка туалета или примерочная в торговом зале. К тому же, его охрана всегда стояла по периметру, прикрывая нас. Безумно звучит, но тогда для меня не существовало никого и ничего, кроме Джейсона. Спросите, как я скатилась с целей о блестящем будущем и престижном образовании до секса в туалете с самым большим придурком из всех, что мне попадались до него? Я не знаю.

Тогда не знала.

Позже, мой психолог Джейн Кларк пошагово объяснит то,

как Джейсон погрузил меня в полную зависимость от него. И научит справляться с собой.

Но на тот момент, когда Джейсон привел меня в темную комнату очередного клуба, пропагандирующего свободные откровенные отношения, и надел на глаза повязку, я всецело доверяла ему. Это случилось впервые. Он связал мои руки шарфом, снятым с моей шеи, по-прежнему прикрывающим время от времени расцветающие синяки и следы его поцелуев. Он толкнул меня на что-то мягкое. Я ничего не видела из-за повязки на глазах. Зафиксировал мои руки над головой. И попросил вести себя тихо и послушно, иначе меня ждет наказание. Раньше он никогда меня не связывал, и я чувствовала себя немного странно. Джейс целовал меня в губы, бормоча всякий пошлый бред, которым распалая себя, да и меня заодно. Он снял мое платье и нижнее белье, лаская всю, с головы до кончиков пальцев. Я уже изнемогала, умоляя его дать мне больше, когда он потушил мои просьбы и мольбы страстным поцелуем. И тогда это случилось. Я почувствовала чужие руки и губы на своем теле. Это было... Как ледяной душ. Я замерла, не поверив ощущениям. Я просто не могла поверить. В моей голове не укладывалось, что он способен так поступить. Джейс не почувствовал перемены, и все еще целовал меня, и тот, кто был снизу тоже.

– Ты – ублюдок, Доминник, – зарычала я, ударяя со всей силы лбом в его переносицу. Он не ожидал нападения, именно это спасло меня. Джейс отпрянул, но я почувствовала, как

несколько капель его крови упало на мое лицо.

– Дура психованная, – раздалось между ругательствами. Моя нога угодила прямо в лицо второму неизвестному лицу, пока я пыталась вырваться, что в итоге удалось сделать. Освободив руки, я села, сдирая с лица повязку. Джейсон тщетно пытался остановить кровь, запрокидывая голову кверху. Я посмотрела на другого участника. Это была женщина. Размалеванная полуголая проститутка. И это ее грязный рот прикасался ко мне. Меня чуть не стошнило.

Замахнувшись, я вlepила ей пощечину, вцепилась в волосы, повалила на пол, не замечая, что несчастная даже не сопротивляется. Меня съедал гнев и обида. Уже потом я поняла, что единственный, кого я должна была ненавидеть – это Джейсон. Девушка делала то, за что ей заплатили.

Когда Джейсон оттащил меня от нее, позволив девице убежать из комнаты, я обратила свой гнев на него. Я кусалась и царапалась, как кошка, потеряв всяческий контроль. Но он был сильнее, целовал меня, несмотря на все мои попытки вырваться и разорвать его в клочья. Мы оба были в его крови. Ее соленый вкус на моем языке вызывал новые приступы гнева и ярости. Прижав меня к стене, обитой красным бархатом, он скрутил мои руки и сделал то единственное, что умеет. Его трясло от похоти, пока он вбивался в меня, как ненормальный, не обращая внимания на разбитый, возможно, сломанный нос, на кровоточащие царапины на плечах и лице. Возможно, именно такого итога он и ожидал, предви-

дя мою реакцию на оплаченную шлюху и ее грязные прикосновения. Хотя... Повернув голову, я увидела в зеркале напротив, занимавшем всю стену, отражение происходящего. Я увидела себя, и мое сердце на миг остановилось, признавая простую и страшную истину. Я ничем не отличаюсь от той шлюхи, которую нанял Джейсон. Ни внешне, ни внутренне.

С этого момента начался обратный отсчет. Пелена спала с глаз, позволив увидеть то, что происходит с моей жизнью. Завтра Джейсон может пойти дальше. И это будет другой мужчина. Может быть, не один. Мой разум не хотел справиться, снова раздваиваясь. Не хотел принимать неприглядную правду.

– Мы летим домой, – закончив со мной, произнес Джейсон, бросив в меня платьем. – Одевайся. Вижу, ты соскучилась по зеркальной комнате. Черт. – Вытер нос тыльной стороной ладони, растирая кровь, которая так и не остановилась. – Ты ненормальная? Могла просто сказать, чтобы я ее остановил?

– Это ты псих. Шизанутый на всю голову ублюдок. Что дальше? У тебя, вообще, нет никаких границ? Кому еще дашь мной попользоваться? – яростно шипела я, надевая платье резкими движениями. Он рванул ко мне, с силой впечатывая в стену. В черных глазах безумие. Сжал мое горло так, что я начала задыхаться, безуспешно пытаюсь вырваться.

– Ты, сука, никогда не будешь так со мной разговаривать! Усекла? – он сдавил пальцы, и я начала оседать, теряя со-

знание. – Никто не будет тобой пользоваться. Кроме меня.
Никогда.

Глава 2

«Это кажется диким и парадоксальным, но мучитель, которому по каким-то причинам жертва решила уступить и простить, становится с ней единым целым. Это отражается даже на чувственном плане: возросшая близость ощущается физически, сексуально или просто тактильно. Пытаясь понять и оправдать насильника, жертва создает такой мощный полюс эмпатии, что идентифицируется с ним и буквально сливается. И чем дольше продолжается абьюз, из которого нет выхода, тем чаще требуется усиление полюса эмпатии, а значит идентификация, то есть растворение и да, любовь становятся сильнее.»

(с)

Нью-Йорк. Наши дни.

Лекси

– Ты не должна винить себя за то, что произошло. Это только его вина, Александра. – Джейн взяла меня за руку, мягко улыбнувшись. Первый визит после того, как я очнулась в палате больницы. Две недели я не хотела видеть никого. Даже родителей. Даже Андреа.

Джейн Кларк – мой психотерапевт. Я почти полгода посещала ее кабинет частной практики, и мы достигли заметных улучшений в моем психическом состоянии, несмотря на то, что я никогда не признавала себя больной. Но сейчас? Я даже

не помню, о чем мы говорили с ней... Два раза в неделю по полтора часа. Бессонница и кошмары. Таблетки горстями.

Я думала, что все позади.

Боже, как же я ошибалась.

– Фактически, Джейс меня не похищал, – произнесла я. Заторможенность сознания – побочное действие лекарств. Джейн что-то говорит, но ее слова я анализирую гораздо позже... Я больна. Психически неуравновешена, опасна для самой себя и для окружающих тоже. Никто не должен видеть меня такой. Только Джейн. Она одна знает, через что мне пришлось пройти. Дважды. Дважды, черт побери!

– Я сама села в машину.

– Ты не могла знать, что он задумал. – Джейн Кларк подала мне стакан воды. Она милая и похожа на мою маму. Может поэтому я позволяю ей помочь мне.

– Я не должна была садиться в машину, – яростно повторила я. Еще одна проблема. Из сотни других. Неконтролируемый гнев.

– Так, успокойся. Дыши. – Мой доктор – умная женщина, она видит мое состояние. Ее прохладные пальцы у меня на лбу.

– Как я могла думать, что люблю его? – подняв глаза, я посмотрела на полное понимания и сочувствия лицо Джейн. Она ласково сжала мою руку.

– Ты действительно его любила. Это не было иллюзией.

– Но почему? Как?

Гнев сменился отчаянием. Боль разрывала грудную клетку. Я больше никогда не стану собой. Это конец.

– Я ненормальная, Джейн? Ты же все знаешь. Скажи правду. Не как врач. Я больная?

Джейн нежно улыбнулась, покачав головой.

– Милая моя, «нормальный» человек заканчивается сразу же, как только начинается абьюз, и такой, уже ненормальный человек не только способен на любовь к абьюзеру, но и любовь к абьюзеру – это самая сильная привязанность из всех, на какие он только способен. Никого человек не любит сильнее, чем своего каннибала. И страстная физическая привязанность матери к ребенку основана на том, что ребенок является законным каннибалом, пусть и естественным, пусть и временным, неопасным и компенсирующим матери свой каннибализм сполна. Тем не менее, факт остается фактом. Глубокая, чувственная, физиологическая связь установлена, и установлена она благодаря запредельной близости – физическому слиянию – кормлению собой. Сильнее всех люди любят тех, кого они собой кормят. Куда больше своих детей женщина может любить взрослого каннибала, если скормила ему большую часть себя. Так как любой абьюз – это акт каннибализма, ничего удивительного в том, что многие жертвы страстно влюбляются в своих абьюзеров.

– Значит, все-таки ненормальная, – сделала я неутешительный вывод.

– Это полностью вина Джейсона. Твои чувства – реакция

на его поведение. Он намеренно сделал тебя зависимой. У него есть специальное образование. У тебя не было шансов, Лекси.

– То есть, я должна смириться с тем, что я больная на голову идиотка, которая влюбилась в своего насильника, позволяя делать с ней все. Все, что только может взбрести в голову такому извращенцу, как он.

– Но ты не смирилась. Ты пришла ко мне. И ты никакая не идиотка. Если жертва насилия по каким-то причинам, замешкалась и задержалась рядом со своим мучителем, ее психика может предложить ей целый ряд адаптивных защит. Переживать гнев и боль, планировать месть и чувствовать себя жертвой – слишком сильный стресс, чересчур энергозатратно, поэтому добрая психика предлагает жертве «взглянуть на ситуацию иначе». Для этого есть миллион способов, от «у него детская травма» до «я его довела», или «он случайно», но главное, на что следует обратить внимание. Границы сломаны, и тесная близость установлена. Это кажется диким и парадоксальным, но мучитель, которому по каким-то причинам жертва решила уступить и простить, становится с ней единым целым. Это отражается даже на чувственном плане: возросшая близость ощущается физически, сексуально или просто тактильно. Пытаясь понять и оправдать насильника, жертва создает такой мощный полюс эмпатии, что идентифицируется с ним, и буквально сливается. И чем дольше продолжается абьюз, из которого нет выхода, тем

чаще требуется усиление полюса эмпатии, а значит идентификация, то есть растворение, и да, любовь становится сильнее. Это все психология, девочка. Ты не одна такая. Многие девушки попадают в такую же историю. Со своими мужьями, и даже близкими родственниками. Вы с Джейсом никак не связаны, и я снова помогу избавиться от последствий психологической травмы, которую он тебе нанес. Ты не должна замыкаться. Хорошо?

– Да, Джейн. Я понимаю. Помоги мне, Джейн. – Я посмотрела на нее со слезами на глазах. Я так устала бороться с собой, с ним, с внешним миром. Когда я говорю с Джейн, все встает на места, но стоит мне выйти из ее кабинета, мир снова тасует карты. Все, что она говорит о слиянии и эмпатии – верно. Даже сейчас я чувствую его... Мое сердце разрывается, потому что я чувствую боль от того, что меня оторвали от Джейсона. От моего палача, любовника, моего Бога. Я сожалею только об одном – что я не умерла там, в зеркальной комнате. Что мы не умерли вместе. Как хотели – в один день. В боли и ярости. У нас свои клятвы.

– Лекси, я хотела тебе сказать. Только ты не волнуйся, – мягко начала Джейн. Я вскинула голову, ожидая продолжения. – Ты же знаешь, что по факту твоего похищения и избиения началось уголовное дело?

– Да, я говорила с полицейскими.

– Здесь Пол Доминник. Он приходит каждый день. Сразу говорю, что ты не обязана с ним встречаться. Скажу больше

– я против этого. Решение за тобой.

Я отвела взгляд. Посмотрела в окно, вспоминая снисходительное надменное выражение лица отца Джейсона. Этот старый козел приложил руку к тому, что с нами случилось. Я говорю «с нами», потому что нас нельзя разделить. Джейсон явно показал мне эту простую истину. Нет «я», или «он». Есть «мы». Это жутко и неправильно, но исправить ничего нельзя. Поздно. Джейн будет пытаться и пройдут месяцы, прежде чем я смогу произносить его имя без боли. Она решит, что спасла меня снова. Но нет. Терапия Джейн помогает, как обезболивающая таблетка кариозному зубу. Временно, пока болезнь не начнет прогрессировать снова. Мы неизлечимы больны друг другом.

– Пусть он зайдет, – произнесла я твердым голосом. В моей душе нет ненависти. Только гнев. Пол для меня не опасен, я никогда не воспринимала его всерьез. Он был пустой декорацией. Как и все остальные. Настоящим был только Джейс. И наша потребность быть вместе.

– Хорошо. Я буду за дверью. Не позволяй ему давить на себя, – давала наставления добрая Джейн.

– Все нормально. Я справлюсь.

Глава 3

«Сегодня жертва расписывает, как низко она пала, как ее унизили, растоптали и надругались над ней, потому что пытается аккумулировать гнев для побега; завтра ее мучитель превращается в страстно любящего и прекрасного человека, которого она сама провоцирует на ревность и побои, потому что аккумуляция гнева не привела к готовности порвать связь, и она решила избавиться от страданий, применив как анестезию иллюзии.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.